

О представлении знания языком литературоведения: к постановке вопроса¹

И.В. Силантьев
НОВОСИБИРСК

Проблема представления знания научным языком, если ее рассматривать применительно к науке о литературе, неотделима от более общей проблемы литературоведческого дискурса.

Под дискурсом как таковым мы понимаем сложившуюся в определенных социально-исторических и культурно-национальных условиях традицию человеческого общения – с характерными для нее коммуникативными стратегиями, жанрами, стилями, тематикой, специализированным языком, прецедентными высказываниями и текстами.

В краткой форме охарактеризуем указанные аспекты дискурса.

Высказывание можно определить как целостную единицу общения, характеризующуюся интенциональной завершенностью. Вне самого вектора интенциональности высказывание невозможно, оно теряет свой изначальный коммуникативный статус и превращается в семиотически абстрактное лингвистическое предложение.

Текст – это высказывание, проецированное (при помощи дополнительной системы обозначений и фиксации в иной, более устойчивой материальной среде) в рамки отложенной, отстоящей во времени или пространстве коммуникации.

Высказывание и текст – это две стороны одного целого, но вместе с тем две различно акцентированные стороны: высказывание коммуникативно актуально, текст коммуникативно потенциален. Это значит, что высказывание неотделимо от текста в силу самого принципа своего осуществления. Вместе с тем высказывание, взятое в аспекте своей текстуальности, т.е. в своей обра-

¹ Работа выполнена в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Логико-математический анализ выразительных возможностей языка в представлении знания: соотношение синтаксиса, семантики и семиотики в формализации научных теорий».

щенности к отложенной коммуникативной ситуации, может не вписаться в нее, не воплотить свой потенциал в смысл, свою интенцию в актуальность. И тогда высказывание умрет, раз или навсегда, и текст станет его памятником (это слово весьма характерно для традиции изучения древних культур и литератур – но именно потому, что в этих традициях имеют дело с мертвыми высказываниями и мертвыми произведениями).

Существенным является вопрос об отношении текста к дискурсу. Это отношение опосредовано моментом высказывания. Дискурс состоит из высказываний (это два первичных в своей природе коммуникативных феномена), и, вслед за высказыванием, продолжает себя и возобновляет себя в текстах. Следует только учитывать качественную меру этой закономерности: понятно, что дискурсы устной сферы общения (повседневный, многие тематические и многие профессиональные) опираются по большей части непосредственно на высказывания, которые мало нуждаются в текстах. Понятно и обратное: дискурсы письменной культуры просто неосуществимы вне текстуального начала, поскольку сами высказывания, образующие «тела» таких дискурсов, изначально рождаются в текстах.

Жанр есть тип высказывания в рамках определенного дискурса. Можно выделить две группы жанровых признаков: коммуникативные и текстуальные.

Коммуникативные признаки жанра охватывают интенциональное разнообразие высказываний дискурса. Собственно говоря, именно по параметру коммуникативных интенций лингвистика речи, вслед за М.М. Бахтиным, выделяет речевые жанры – первичные по отношению к другим в той мере, в какой повседневный дискурс первичен по отношению к дискурсам профессий и культуры. Соответственно, мы можем говорить о таких жанрах повседневного дискурса, как вопрос и ответ, приветствие и прощание, просьба и приказ, поздравление, сожаление и соболезнование, и т. д. Сами названия таких жанров суть не что иное, как базовые интенции, сопровождающие высказывания в рамках данных жанровых групп.

В коммуникативном аспекте жанра можно различать собственно интенциональную и конвенциональную составляющую. Например, лекция как жанр университетского образовательного дискурса интенциональна постольку, поскольку направлена на передачу фиксированного в определенных дисциплинарных рамках знания обучающимся в учебном заведении. При этом данный жанр конвенционален в том смысле, что в рамках описанной выше интенции предполагает от участников дискурса определенное коммуникативное поведение: преподаватель должен излагать некое новое знание, а студенты должны внимать преподавателю, при этом студенты могут задавать вопросы по теме лекции, на которые преподаватель обязан давать достаточно определенные ответы в рамках данной темы и учебного предмета в целом.

Текстуальные признаки жанра характеризуют высказывание в плане структурности/композиционности его текста. Данные признаки малосущественны для элементарных речевых жанров – их текстуальная структурность во многом сводится к лингвистической структурности (преимущественно синтаксической, но не только). В самом деле, структурные различия между вопросом и ответом лежат в сфере языкового интонирования и, частично, в сфере порядка слов и собственно лексико-грамматического оформления высказывания.

Гораздо большее, если не определяющее значение структура текста имеет для жанров, соотносенных с дискурсами высшего порядка. Это положение достаточно очевидно – как очевидны структурные различия в текстах, положим, коммерческого договора и делового письма.

В принципе, дискурс как таковой идентифицируется в общем коммуникативном поле культуры и социальной деятельности постольку, поскольку реализует свою особенную, ему свойственную коммуникативную стратегию, как некую общую и в то же время специализированную коммуникативную цель и соответствующие ей дискурсные средства. Так, применительно к повседневному дискурсу можно говорить о коммуникативной стратегии обыденного единения людей посредством разнообразных форм прямого обмена текущей информацией, фатических коммуникативных актов и др. Применительно к образовательному дискурсу можно говорить о специфической коммуникативной стратегии обучения и обмена опытом и знаниями, что реализуется в жанрах лекции, семинара, зачета, экзамена и др.

Коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода «гипер-интенцией» по отношению к интенциональным характеристикам жанров (напомним, типов высказываний), составляющих целое дискурса. Так, интенция лекции – прямая передача преподавателем нового знания студентам, интенция семинара – обмен мнениями и подготовленными сужениями студентов и преподавателя, интенция публичной защиты курсовой работы – выполнение квалификационного задания и демонстрация студентом навыков научной дискуссии. Нетрудно видеть, что все названные интенции – жанровые, по своему существу, – укладываются в единое целое коммуникативной стратегии дискурса образования как такового.

Определив, таким образом, основные параметры дискурса в целом, вернемся к проблеме представления знания в дискурсе литературоведения.

Дискурс как таковой определяет не только коммуникативно-речевой, но и собственно ментальный формат человеческого общения, и в первую очередь особенности представления соответствующего рода знания.

Так, дискурс повседневности характерным образом соотносится с суммой обыденного опыта, обычно определяемого как здравый смысл. Религиозный дискурс сопряжен с формами и стратегиями представления сакрального знания. Юридический дискурс в своих специфических формах выражает сумму правового знания. Дискурс науки, к которому мы переходим, при всей своей очевидной целостности и общности коммуникативных стратегий, отличающих его от иных дискурсов культуры и социального взаимодействия, в то же время в достаточной мере дифференцирован в соответствии с принятым делением научных дисциплин. Поэтому мы можем говорить о дискурсе математики, о дискурсе биологии, и, наконец, о дискурсе литературоведения – главном герое наших заметок.

Названные выше научно-дисциплинарные дискурсы (а также многие другие) владеют своим, специфическим знанием, несводимым в своей теоретической парадигме и в своем экспериментальном опыте к другому знанию. Более того, данные дискурсы *формируют* соответствующее научное знание. При этом специфическими оказываются сами способы представления и выражения знания в соответствующем научном языке. Данные вопросы, применительно к

дискурсу литературоведения, и находятся в центре нашего внимания, и с целью их более глубокого раскрытия сформулируем два отправных тезиса.

1. Литературоведение – это дискурс смыслопорождения. Задача его состоит не только и не столько в установлении литературной фактологии (Пушкин – автор романа «Евгений Онегин»), сколько в построении новых смыслов и новых целостных интерпретаций по поводу литературных текстов. Литературоведческий текст – это текст о тексте, текст по поводу текста, текст совместно с текстом.

2. Литературоведение – это дискурс знакопорождения. Литературоведческий текст только отчасти опирается на общепринятую в этой дисциплине парадигму понятий и терминов, в другой же части, как правило, развивает свой собственный научный язык. Однако эти инновации носят преимущественно авторский характер, и живут только в рамках своего родного текста, редко выходя в своем употреблении за его рамки. А если и выходят, то неизбежно подвергаются последующим переосмыслениям («мотив» А.Н. Веселовского, «функция» В.Я. Проппа, «хронотоп» М.М. Бахтина и др.).

Литературоведческий дискурс, таким образом, определяется коммуникативной стратегией непрерывного поиска новых смыслов и новых знаков, и теоретической стратегией преодоления своей собственной системности, которая в силу этого обстоятельства всегда остается только складывающейся, становящейся системностью. Поэтому литературоведение постоянно преодолевает свою терминологичность и, более и важнее того, преодолевает и свой научный язык (в отличие от многих других научных дисциплин, напротив, стремящихся к упрочению терминологии и языка).

Знаки литературоведческого языка индивидуальны и обновляемы не только в плане своего выражения, но и в плане содержания – и очередной автор-литературовед, как правило, присваивает литературоведческому термину свое, обособленное значение и вкладывает в термин свой, обособленный смысл. Так, например, «сюжет» у одного автора может быть совсем не тем, чем у другого.

В семиотическом плане в основе стратегий смысло- и знакообразования в дискурсе литературоведения лежит операция метафоризации, при этом сами метафоры берутся, как правило, из живого языка повседневности.

Повседневный дискурс как таковой складывается из открытого множества субдискурсов, опирающихся на различные обыденные ситуации, объединяющие людей. При этом сам характер социальной общности может быть различным: люди могут не знать друг друга или только что познакомиться (прохожие на улице или попутчики в дороге), знать друг друга достаточно формально (коллеги по работе), находиться в дружеских или родственных отношениях.

Кроме того, в структуре повседневного дискурса закономерно развиваются тематические субдискурсы по той простой причине, что в рамках одного общения говорят обо всем, что интересно участникам общения. При этом тематические субдискурсы в составе повседневного общения бывают относительно устойчивыми – но преимущественно в рамках устойчивой социальной ситуации – например, субдискурс о шалостях забавного котенка в семье или субдискурс о грядущих сокращениях на службе. Неустойчивые тема-

тические субдискурсы опираются на тему (или сводимую к теме новость, событие, сенсацию), временно заинтересовавшую всех и вся – катастрофа самолета, землетрясение или наводнение, Олимпийские игры и т. п.

В структуре повседневного дискурса находят свое специфическое выражение и базовые коммуникативные стратегии построения высказывания как такового. Такова, в первую очередь, стратегия прямого информирования адресата. Весьма характерна для повседневного общения и стратегия наррации – мы часто и много рассказываем друг другу в ситуациях повседневности, и поэтика/риторика повседневных нарративов разработана еще далеко не полностью. Далее, обиходное общение – особенно в формате межличностных отношений – может быть агональным, направленным на непрямое убеждение собеседника или склонение его к определенной линии поступка и поведения, или отношения к ситуации, другим людям, самому себе и др.

Повседневный дискурс не остается только на поле своего прямого функционирования – он проникает далее, в специализированные дискурсы, такие как дискурсы образования и науки. И дело здесь не в том только, что, например, профессор на лекции допускает в своей речи разговорные выражения и применяет разговорные тактики ведения беседы. Это внешнее. Дело в другом – повседневный дискурс в своей топике, в своей метонимике и метафорике, в своей, наконец, логике обыденного действия проникает в самый язык науки и – осознанно или нет со стороны самих ученых мужей – размывает этот язык, слиявшийся быть строгим и однозначным.

Проблема отношения повседневного дискурса и языка науки имеет и другую, на первый взгляд, несколько неожиданную сторону. Дискурс повседневности с его нестрогой избыточной семантикой и образностью, сопряженной с концептуальными аспектами естественного языка, обогащает язык науки, расширяет его познавательные и коммуникативные возможности, и этот процесс как нельзя естественнее происходит в рамках литературоведения – науки нестрогой по своему определению.

Широко известно бахтинское разграничение научных дисциплин на гуманитарные и естественнонаучные (или «точные») по принципу наличия или отсутствия диалогового начала в отношении исследователя к предмету его познания¹.

В рамки данного принципа укладывается и одна из ключевых метафор традиционного литературоведения, как познания гуманитарного. Эту метафору можно описать следующей формулой: автор и его произведение (и, соответственно, герои этого произведения) относятся друг к другу как два равноправных субъекта, находящихся в свободном диалоге.

Приведем примеры из литературоведческих текстов (без упоминания авторов и контекстов исследований; курсив наш – И.С.): «писатель *следует* за героем»; «автор *словно бы украдкой наблюдает* за жизнью персонажей»; «романист *исследует* ... судьбы героев»; «писатель *находит* в ней (в жизни героев – И.С.) ...»; «автор вполне *осознанно, хотя и небезоговорочно, допускает*...

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.363; Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 1996. Т.5. С.7-10..

оправдательную позицию героини»; автор «заставляет своих героев», «пытается ... разобраться в чувствах героев»; и т.п.

Таким образом, согласно данной метафоре, уже в процессе своего рождения произведение (и герои в его художественном мире) начинают жить своей собственной и особенной жизнью, во многих отношениях независимой от автора и непредсказуемой. Поэтому автор из творца-демиурга превращается в творца-исследователя, творца-открывателя того мира, который сам и создает в художественном произведении.

Остановимся еще на одной особенности литературоведческих текстов. Для естественнонаучного текста характерно достаточно четкое и однозначное разделение высказываний на собственно утверждения, констатирующие некие общепринятые в науке положения и знания, и на предположения, формулирующие новые научные гипотезы относительно общепринятого знания. В литературоведении все высказывания – и констатирующие, и гипотетические – выражаются в форме полных утверждений, по умолчанию наделенных модальностью само собой разумеющегося. В этом, на наш взгляд, заключается агональность литературоведческого дискурса, который не доказывает, а убеждает – убеждает в предположениях автора так, как будто бы это общепринятые знания.

Приведем несколько связанных примеров. Утверждение, констатирующее общепринятое литературоведческое знание: «Участники этого литературного общества, выступив против писателей-классицистов, формировали основы новой романтической эстетики, создавали произведения в системе нового художественного языка». Утверждение, заключающее в себе неявное предположение, гипотезу, в действительности нуждающуюся в проверке и подтверждении: «Участники этого литературного общества построили свой жизне-творческий сюжет, свою мифологическую генеалогию, свою символическую модель литературной деятельности». Сказано – сделано, и текст литературоведческой статьи стремится далее, не особенно озаботившись детальным подтверждением сформулированного тезиса. Далее этот тезис оказывается уже в позиции актуальной темы литературоведческого высказывания – темы, которой, в свою очередь, рематически присваивается очередное новое знание, и снова в форме полного утверждения: «Генеалогический сюжет, скрепляющий творческую ментальность авторов кружка, включил в себя систему культурных героев, с которыми авторы ассоциировали себя в своих произведениях».

Таким образом, литературоведческий текст как текст агональный реализует не столько стратегию полновесного обоснования нового знания, сколько стратегию непрямого убеждения читателя в правоте автора, убеждения, основывающегося на тактике присвоения научной гипотезе модального статуса высказывания об общепринятом знании.

Заключая наши наблюдения, подчеркнем, что ими мы только наметили сложную и неоднозначную проблему представления знания в языке литературоведения, которая требует своей дальнейшей разработки.